

НАДПИСИ ВНУТРЕННЕГО ХАДРАМАУТА

(Общая характеристика)

Массовый эпиграфический материал с городища Райбун, найденный за годы раскопок СОЙКЭ, происходит из разных зданий и сооружений — жилых домов, гробниц, храмов, расположенных в различных частях городища. Он охватывает значительный временной период, что позволяет дать хотя и предварительную, но целостную характеристику письменных памятников древнего Хадрамаута.

Тексты полностью укладываются в общую традицию йеменской эпиграфики, не

включая каких-либо новых типов или сюжетов, но более кратки и однообразны, чем надписи Саба³, Катабана и даже столицы Хадрамаута Шаввы. Отсутствуют или мало представлены некоторые типы надписей (юридические, сакральные). До сих пор не обнаружены царские надписи или хотя бы упоминания правителей. Во всем Внутреннем Хадрамауте найден лишь один краткий текст с именем мукарриба Хадрамаута Йада⁴ 'аба Гайлана, сына Сумхурийама.

Надписи Внутреннего Хадрамаута (вади Хадрамаут и прилегающих к нему долин) носят несколько «провинциальный» характер, отражая положение вади Хадрамаут как периферийного района южноаравийской цивилизации.

Вместе с тем надписи многочисленны, даже в подъемном материале, выполнены профессиональными писцами-резчиками (иногда с большим мастерством), со строгим каноном изображения букв и размещения текста на камне; один текст часто повторяется в нескольких экземплярах. Надписи, несомненно, входили в повседневный быт хадрамаутцев, что свидетельствует о широком распространении грамотности, даже в средних слоях населения (на это указывают буквенные метки каменотесов и находки надписей на керамике).

По тематике и построению надписи стандартны. Среди сотен текстов Райбуна представлены практически лишь два типа: комеморативные (именные) и посвяжительные. В некрополях обнаружены также единичные надписи о постройке гробниц, но на городище, исключая два-три сомнительных фрагмента, не обнаружено ни одной строительной надписи.

Надписи с других городищ Хадрамаута, как из раскопок в Хурайде и Ба Кутфе, так и подъемный эпиграфический материал или случайные находки с других городищ, также укладываются в эти два типа (и также включают единичные тексты о постройке гробниц). Лишь городища прибрежной зоны (Майфа⁵ 'а, Наб⁶ ал-Хаджар) и хадрамаутская колония в Хор Рори (Оман) знакомят нас с хадрамаутскими строительными надписями.

Большим разнообразием текстов отличался, по-видимому, район Шаввы. Там найдены посвяжительные и комеморативные тексты, многочисленные строительные и царские надписи, сакральные тексты из ал-'Уклы.

Каждый тип надписей имеет ряд отличительных особенностей. Так, комеморативные тексты весьма многочисленны, но содержат обычно только одно имя (вероятно личное), изредка с патронимом или именем рода. Они высекались на облицовочных плитках, в середине плитки или заполняли ее целиком. Иногда тексты с крупными знаками захватывали две соседние плитки. На облицовочных плитках высекались и посвяжительные надписи, часто на нескольких соседних, но их легко отличить от именных по характеру заполнения поля.

Комеморативные именные надписи часто встречаются и в других областях Южной Аравии, но они обычно имеют более подробный текст, включая и патроним, и родовое имя. Они, как правило, высекались на специальных погребальных стелах, постаментах статуэток и применялись в культе предков или погребальном ритуале и не были связаны с конкретными зданиями или сооружениями. На зданиях и оросительных сооружениях в Саба⁷, Ма'ине и Катабана изредка встречаются и комеморативные тексты, но это — магические формулы, имена богов и лишь очень редко — родовые имена.

Раскопки Райбуна, где ряд именных надписей был найден *in situ* в храмах Зат Химйам и Сина, позволяют установить смысл и значение таких текстов. Надписи помещались на стенах храмов, иногда повторяясь, чтобы ограничить определенный участок стены или часть здания. Иногда число повторений доходит до двух-трех десятков (надписи с именами «Ма'адрам» и «Қасим» из храма Сина). Эти надписи показывали, какая именно часть здания была построена или украшена (покрыта облицовкой) за счет того или иного лица.

Аналогичные по смыслу надписи известны в Ма'ине, но они имеют совсем иной характер и форму. Это подробные надписи на стенах маинских городов, сообщающие

Рис. 1. Фрагмент надписи о строительстве храма Сина Майфа'ан (VI—V вв. до н. э.). Верхняя строка — конец более поздней надписи (около II в. до н. э.) — Рб XIV/87 № 4

Рис. 2. Стела-муснад с посвящением Сину Зу Майфа'ану двух братьев, сделанном по обету (I в. н. э.) — Рб XIV/87 № 109

о том, что несколько человек — представителей определенного рода — «построили и посвятили» божеству участок городской стены или башню. Иногда добавляется, что это сделано за счет податей или «того, что они добавили из своей руки», т. е. — в счет податей, которые они должны вносить, и как добровольное пожертвование (литургия). Может быть, и хадрамаутские надписи, содержащие лишь имя, свидетельствуют о такой же практике возведения общественных сооружений, в первую очередь храмов, на средства жителей города, собираемых как в форме обязательных храмовых налогов, так и в порядке добровольных пожертвований. В тех случаях, когда имя повторяется многократно, речь несомненно идет о добровольном вкладе богатого и знатного горожанина.

Посвятительные надписи, составляющие подавляющее большинство эпиграфических памятников, также стандартны, однако они наиболее ярко показывают специфику культурного развития Внутреннего Хадрамаута. Как и в других областях Южной Аравии, надписи развиваются от кратких стандартных текстов ко все более обширным, подробным и индивидуализированным по содержанию. Ранние тексты высекались на облицовочных плитках или культовых предметах, алтарях и каменных сосудах. Они сообщают о посвящении конкретного предмета или вообще не называют объект посвящения, особенно надписи на предметах. В таких случаях предметом посвящения служит сам культовый объект.

Надписи без упоминания объекта, сделанные на облицовочных плитках, очень близки к именованным надписям на плитках и, вероятно, играют такую же роль — сообщают о вкладе на строительство или украшение храма или о значительном взносе в храмовую казну. С IV в. до н. э. появляются «самопосвящения», посвящения *līss* «души его». Вскоре возникает и более развернутая формулировка: «посвятил душу свою и детей своих и имущество свое». Такие тексты высекаются обычно на нескольких соседних облицовочных плитках.

С III—II вв. до н. э. происходит переход к более подробным текстам с просьбами о защите и благополучии и с подробными описаниями причин и обстоятельств посвящения. Теперь надписи ставятся, видимо, уже не просто в порядке уплаты налога, а по особым индивидуальным причинам — для спасения от болезни или иных бед, по обету или в воздаяние за грехи и т. п. Почти одновременно происходит и переход от надписей на облицовочных плитках к специальным плитам или стелам, обычно украшенным рельефами или орнаментами. Объектом посвящения становится стела с надписью — *муснад* (*mīndnbn*).

Пристрастие к надписям на облицовочных плитках — специфическая черта Внутреннего Хадрамаута, она объясняется особенностями архитектуры региона, отсутствием зданий из каменных блоков и господством в строительстве сырцовых стен с деревянным каркасом с облицовкой стен известняковыми плитками. Интересно, что даже в цокольных зданиях на каменных блоках цоколя обнаружена лишь одна надпись (Рб 1/87 № 1—2) (рис. 1).

Стелы *муснад* легко делятся на два типа: ранний (III—II вв. до н. э.) — это большие стелы с крупными буквами (до 10—20 см высотой) и богатым декором, заполняющим до половины плиты, с изображениями животных (чаще всего — головы быков) и символом луны и солнца, но с кратким текстом, часто занимающим лишь часть поля. Во II в. до н. э. их сменяют стелы с более скромным декором, обычно ограничивающимся орнаментом, и с подробным текстом (высота букв 4—5 см), заполняющим всю плиту, а иногда захватывающим и раунт, и даже верхнюю поверхность (рис. 2). Только в них появляется термин *муснад*. Посвящение статуэтки (*slmnhn*), столь обычное в Саба' и Катабаве, упоминается только в одном фрагменте стелы (Рб XIV/87 № 90), хотя в храме Сина найдено несколько блоков с выемками для крепления бронзовых статуэток.

Характер надписей на больших стелах можно проиллюстрировать надписью из храма Сина (Рб XIV/87 № 95), сильно фрагментированной, как и большинство стел,

но с текстом, хорошо поддающимся реконструкции:

${}_1^{\prime}lm^{\prime}d/b[n/...]$	« ${}_1^{\prime}$ Илма $^{\prime}$ ад, сы[н ...]
${}_2^{\prime}w/sqny/syn/wtd^{\prime}/b$	${}_2^{\prime}$ посвятил Сину и передал
${}_3^{\prime}dn/s[yn/n]fss$	${}_3^{\prime}$ под власть Си[на ду]шу свою».

Здесь к краткому посвящению, даже не указывающему объекта, присоединена фраза $td^{\prime}/b^{\prime}dn$ «передал под власть», вводящая особый раздел формуляра. Глагол td^{\prime} не встречается с таким значением ни в сабейских, ни в катабанских или маинских надписях, но весьма часто в хадрамаутских. По содержанию и функционально формула соответствует сабейско-катабанской формуле «постановки под защиту» (rtd). В сабейской эпиграфике она встречается чаще в строительных надписях. В катабанских votивных надписях формула более часта и более значима, но всегда уступает по значению разделу с глаголом hqn «посвятил». В хадрамаутских надписях «постановка под защиту» не только выражена иным термином, но и приобретает первоначальное значение, иногда даже заслоня раздел с $sqny$, как в приведенном тексте. Это показывает особый, самостоятельный путь развития формуляра хадрамаутских votивных надписей.

Поздние стелы охватывают период II в. до н. э. — I(II) в. н. э. Они содержат подробный и более индивидуализированный текст, сообщающий причины и обстоятельства посвящения, различные просьбы (о здоровье, благополучии и т. п.) и другие детали жизни посвящателя и его семьи. По характеру и содержанию эти тексты близки к сабейским и катабанским посвящениям II в. до н. э. — IV в. н. э. Находка таких текстов является важным результатом работ СОИКЭ; до раскопок в Райбуне было известно лишь несколько хадрамаутских надписей такого типа на бронзовых табличках.

Посвящения делаются по приказу божества (ks^{\prime}), согласно оракулу ($bms^{\prime}l$), по обету ($\$ft$) или при обращении с просьбой ($s^{\prime}n$). Завершаются тексты просьбами о защите божества, приведении в порядок ($r^{\prime}b$) дел и благоденствии ($p^{\prime}m$). Темы надписей — просьбы о помощи, избавлении от бед, выздоровлении, благополучии, защите и благоденствии — обычно выражены общими словами, пригодными на все случаи жизни, и стандартными формулами. Иногда формулы весьма красочны. Так, под защиту Сина ставятся $nfss/w^{\prime}dns/wwlds/wqnyys/wsbht/^{\prime}yns/wlbs/w\krs «он сам и сила его, и дети его, и имущество его, и свет глаза его, и сердце его, и чувства его» (РБ XIV/87 № 108).

Хадрамаутские посвящательные надписи значительно отличаются от сабейских и катабанских по своему построению и особенно терминологии. Многие термины, особенно частые термины стандартных формул или вводящие определенные разделы формуляра, встречаются только в хадрамаутских надписях (ks^{\prime} , mrd , $sbht$, $\$kr$ и т. д.) или имеют в них иной оттенок значения (wq^{\prime} , $p^{\prime}m$ и т. д.); они употребляются в иной позиции и играют совсем иную роль в построении текста. Даже понятия, весьма частые в votивных надписях и общие для всего южноаравийского региона, передаются иначе. Так, для обозначения приказа божества употребляется глагол ks^{\prime} (сабейское и катабанское wqh), для выражения благополучия — $r^{\prime}b$ (сабейское ml^{\prime}), удовлетворения — $p^{\prime}m$ (сабейское $hrq^{\prime}w$) и т. п. Эти различия нельзя свести к чисто языковым: значительная часть терминов употребляется и в сабейских и катабанских текстах и даже с близким значением (wq^{\prime} — «выходить», «выводить», $p^{\prime}m$ — «быть благоприятным», «процветающим», $r^{\prime}b$ — «заключать контракт») или являются известными общесемитскими словами, просто не засвидетельствованными в эпиграфике (например $sbht$ — «рассвет»). Их следует рассматривать именно как отражение культурных различий, заключавшихся в предпочтительном выборе из общего языкового фонда специфических слов и связанных с ними ассоциативных комплексов. Эти особенности закреплены традицией, что выразилось уже в модификации значений слов, образующих и особые оттенки видения мира. Все это показывает независимое развитие хадрамаутских надписей, т. е. существование самостоятельного варианта южноаравийской культуры, стабильного этнокультурного комплекса Внутреннего Хадрамаута.

До сих пор в Южной Аравии не обнаружено остраконов — обломков керамики, использованных как материал для письма — обычай, широко распространенный в странах древнего Ближнего Востока. Были известны лишь немногочисленные обломки сосудов с монограммами или отдельными знаками. Раскопки в Райбуне и обследования других городищ Внутреннего Хадрамаута неожиданно принесли значительное число фрагментов керамики с отдельными знаками, словами и даже крупными надписями. Так, например, зиры (большие сосуды типа шифосов для хранения различных припасов) часто имеют надписи на венчике. Нужно, впрочем, отметить, что в Кане южноаравийские знаки на керамике пока не обнаружены.

Надписи на керамике представляют массовый материал и заслуживают специального исследования. Уже предварительный обзор позволяет выделить несколько типов таких надписей и некоторые особенности письма на керамике. Тексты, сделанные как до обжига, так и после него, написаны обычным южноаравийским (эпиграфическим) письмом, хотя здесь не соблюдается строгая геометричность знаков, столь свойственная южноаравийской эпиграфике, прямолинейность линий и строгий размер и пропорции знаков. Поэтому к надписям на керамике не применимы палеографические критерии, разработанные для эпиграфики. Не выявлены и характерные особенности орнаментации знаков. Лишь иногда можно выделить архаические или поздние формы отдельных букв. Письмо отличается широким использованием монограмм — соединений знаков.

Однако наряду с обычными формами букв довольно часто встречаются формы, свойственные граффити (иногда называемые «североаравийскими»), — такие, как «лежащее» м, «перевернутое» h и т. п. Иногда встречаются и скорописные формы, например, ² в виде петли. Наконец, на остраконе, найденном в 1987 г. на городище Майфа^с, и на одном-двух черепках из Райбуна зафиксированы знаки строчного письма (известного по южноаравийским документам на деревянных палочках и черенках пальмовых листьев). Интересно, что скорописные формы резко отличаются от форм соответствующих знаков в строчном письме.

Известным из эпиграфики типам надписей следует лишь один текст — надпись на венчике зира из раскопок храма Сина в Райбуне (РБ XIV/87). Это посвятельный текст (к сожалению, неполный), сообщающий о посвящении Сину этого сосуда. Надпись сделана до обжига, обычным эпиграфическим, но несколько небрежным письмом. Текст показывает, что сосуд был сделан на заказ, специально для посвящения в храм.

Распространенный тип — надписи на венчиках зиров, сделанные штампом до обжига. Два таких текста при раскопках 1983 и 1984 гг. удалось собрать целиком; они находятся в музее Сейуна. Многочисленные фрагменты таких текстов найдены как в Райбуне, так и на других городищах Хадрамаута. Так, аналогичный фрагмент был найден СОНКЭ в 1987 г. на городище Мазаб (Хурейда).

Надписи на венчиках зиров содержат, видимо, как обязательный элемент магическую формулу «Вадд — отец» и многочисленные имена. Часто используются монограммы. Так, имя ²Ṿwš — ²Ил'авс в одном из текстов написано монограммой ²l и буквами w, š. Эти надписи носят магический характер и предназначены для охраны припасов, хранившихся в сосуде. Соответственно имена, возможно, принадлежат владельцам (заказчикам) сосуда, но может быть, и мифологическим персонажам, злым демонам или духам-защитникам.

Письмо — обычное эпиграфическое, но встречаются и скорописные формы и формы письма граффити. Иногда в одной надписи та же буква может встретиться и в эпиграфической, и в скорописной форме.

Основную массу текстов представляют надписи на тулове сосудов, обычно состоящие из одного-двух знаков или монограммы, реже — из одного-двух слов. Возможно, что были и более пространные тексты, но они могут выявиться только при раскопках

и тщательном соединении фрагментов сосудов. Такие надписи делались и до обжига, и после, разным письмом, вплоть до строчного.

По-видимому, эти тексты представляют собой обозначения объема сосудов, их содержания, может быть — имена владельцев сосуда или товара. Отдельные буквы могут рассматриваться как аббревиатуры. Впрочем, цифровые обозначения в таких текстах пока не встречаются или не выявлены.

Самая крупная находка письменных памятников — тексты на черенках пальмовых листьев, найденные при раскопках здания 6 на городище Райбун (сезоны 1986 и 1987 гг.). До сих пор единственными письменными памятниками древнейшей цивилизации были надписи, официальные тексты на камне и бронзе. Они всегда строго традиционны, посвящены определенным темам и сюжетам, набор которых строго ограничен и формализован; они составлены в стандартных формулах и выражениях. Достаточно сказать, что все известные пока надписи составлены в третьем лице, в них ни разу не засвидетельствованы глаголы первого или второго лица. Такая уникальная особенность этих источников во многом определяет понимание древнейшей культуры в целом.

Правда, уже в 1972 г. иорданский ученый М. Гуль получил возможность ознакомиться с двумя документами другого типа — текстами на деревянных палочках, сделанными необычным письмом. Это письмо вначале было даже принято за индийское, но позже в нем были опознаны два знака южноаравийского алфавита. Многолетние коллективные усилия лучших сабейстов мира — составителей «Сабейского словаря» М. Гуля, А. Бистона, Ж. Рикманса и В. Мюллера — привели в начале 80-х годов к дешифровке этого письма, получившего название строчного.

Кончина М. Гуля задержала публикацию документов, и они до сих пор не введены в научный оборот; опубликовано лишь исследование нового письма¹. Однако уже сейчас можно сказать, что новые тексты (их девять) весьма разнообразны по содержанию и включают юридические документы, деловые письма, хозяйственные записи и даже, кажется, медицинские рецепты. Они открывают многие новые области жизни населения древней Южной Аравии, ее хозяйства, экономики, культуры и языка и обещаю полный переворот в изучении древнейшей культуры.

Хадрамаутские документы на черенках пальмовых листьев представляют первую находку таких памятников при археологических раскопках, привязанных к определенному месту, объекту и археологическому слою. Важно отметить уже самый факт находки таких документов в периферийном городе Хадрамаута и в обычном жилом здании, что показывает широкое распространение такого типа памятников и письменности в целом.

Находки 1987 г., сделанные в нижнем слое здания 6, хотя и не позволяют точно датировать документы, но показывают, что они значительно древнее, чем аналогичные документы из Йемена, датируемые II—IV вв. н. э. Документы Райбуна можно ориентировочно отнести к V—IV вв. до н. э. Они представляют собой черенки пальмовых листьев диаметром 1,5—3,0 см и длиной до 10 см. Палочки специально подготовлены для письма, очищены от листа и обрезаны. Справа в 1,5—2,0 см от края проведена кольцевая черта, отмечающая начало текста. Текст обычно разделен на строки, но встречаются и неполные строки и пробелы между ними. Иногда текст на разных сторонах черенка даже написан в разных направлениях. По-видимому, в большинстве случаев документы содержали не непрерывный текст, а разные записи. Это, видимо, позволяет определить их как хозяйственные документы или заметки.

Интерпретация документов представляет очень большие трудности, и не только из-за их фрагментарности и плохого состояния, но и из-за особенностей письма и неясности содержания текстов. Нужно добавить, что и материал для письма, весьма хруп-

¹ *Ryckmans J. Une écriture minuscule sud-arabe antique récemment découverte // Scripta Signa Vocis. Studies about Scripts, Scriptures, Scribes and Languages in the Near East presented to J. H. Hospers. Groningen, 1986.*

кий и непрочный, создает чрезвычайные сложности для закрепления, расчистки и реставрации.

Письмо документов из Райбуна весьма сильно отличается как от эпиграфического, так и от письма йеменских документов на дереве. Знаков, совпадающих со строчными формами, немного, не более четырех-пяти; форм, близких к эпиграфическим, несколько больше, не менее шести-семи. Однако иногда можно обнаружить, например, букву, близкую к эпиграфическому «М», и совершенно иную форму, близкую к строчному «М», даже в одном документе. Часты и формы, не известные ни по эпиграфическому, ни по строчному письму. Письмо настолько своеобразно, что требует самостоятельной дешифровки, сходной с той, которая потребовалась для чтения строчного письма.

А. Г. Лундин
